

УДК 94(470) "16/18"

DOI: 10.18413/2075-4458-2018-45-2-285-297

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ
НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ
АГРАРНОГО ОБЩЕСТВА В КОНЦЕ XVI–XVII ВВ.**

**SOCIAL-ECONOMIC EVOLUTION OF THE POPULATION
OF THE SOUTH OF EUROPEAN RUSSIA IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION
OF THE AGRARIAN SOCIETY AT THE END OF THE XVI–XVII CENTURIES**

**Д.А. Ляпин
D.A. Lyarin**

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Россия, 399770, Липецкая обл., г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28

Bunin Yelets State University, 399770,
28 St. Kommunarov, Lipetsk region, Yelet Russia

E-mail: MAIN@ELSU.RU

Аннотация

Статья посвящена социальной истории южнорусского пограничья в конце XVI–XVII вв. В центре внимания находятся различные социально-экономические процессы, связанные с целым рядом специфических факторов, которые создавали особый феномен фронтальной зоны. В статье в хронологическом порядке рассматривается социальная история Юга европейской России, условно делящаяся на три периода. Первый период связан с концом XVI в., когда здесь существовали военные крепости – форпосты России на степном пограничье. Второй период приходится на время от Смуты до середины XVII в. В этот период в крепостях появляются посадские люди, растет общая численность населения, усложняется и дробится социальная структура местного общества. В середине столетия правительство осуществляет посадскую реформу, положившую начало процессу оформления посадского населения в замкнутую социальную группу. В это же время на Юге получают большое распространение полки нового строя (рейтары, драгуны, солдаты). Третий период охватывает 2-ю пол. XVII в. и связан с развитием тенденций середины этого столетия. В итоге, к концу XVII в., в крупных городах региона посадские люди стали преобладать над служилым населением, а представители полков нового строя превысили число традиционных воинских формирований. Эти социальные изменения завершили процесс общественной эволюции региона, связанный со спецификой фронтальной зоны.

Abstract

The article is devoted to the problems of the social history of the South Russian borderland at the end of the 16th-17th centuries. The author focuses on various socio-economic processes associated with a number of specific factors that created a special phenomenon of the frontier zone. The article examines in a chronological order the social history of the South of European Russia conditionally connected with three periods. The first period is connected with the end of the 16th century, when there were military fortresses - outposts of Russia in the steppe borderland. The second period falls on the Time of Troubles from the middle of the 17th century. At this time in the fortresses there are "posad people", the total population grows, its social structure is complicated and fractured. In the middle of the century, the government is implementing a land reform, which initiated the process of registering the population of the "posad population" in a closed social group. At the same time, the regiments of the new system (raiders, dragoons, soldiers) are widely spread in the South. The third period covers the second half of the 17th century and associates with the development of trends in the middle of this century. By the end of the 17th century, in

large towns of the region, the people of the town began to prevail over the servicemen, and the representatives of the regiments of the new system exceeded the number of traditional military formations. These social changes have completed the process of social evolution of the region, associated with the specifics of the frontier zone.

Ключевые слова: фронтир, Юг европейской России, социально-экономическая эволюция, социальная история, урбанизация, посадские люди, служилые люди, полки нового строя, колонизация
Key words: frontier, South of European Russia, socio-economic evolution, social history, urbanization, citizens, servicemen, regiments of the new system, colonization

Стремительный рост территории Московского государства в XVI–XVII вв. сопровождался изменениями официальной государственной границы и значительной по объему пограничной территории. На пограничных участках в различные исторические периоды происходили сложные социально-экономические процессы, определявшиеся целым рядом специфических факторов, которые создавали особый феномен фронтальной зоны. На таких участках ярко проявлялись особенности социально-политического развития Российского государства. Среди прочего эти особенности были связаны с социальной структурой местного сообщества, отличавшейся большим разнообразием. В данной статье речь пойдет о социально-экономической эволюции населения южных уездов Центрально-Европейского региона, которая была тесно связана с процессом модернизации аграрного общества в XVI–XVII вв.

Проблема освоения территории Центрального Черноземья затрагивалась в работах исследователей начиная с середины XIX в., хотя долгое время вопросы, связанные с социальной характеристикой этого процесса целенаправленно не рассматривались. Это характерно, к примеру, для работы И.Д. Беляева о пограничной службе на «южной Украине» [Беляев, 1846]. Тем не менее, историк описал и проанализировал систему охраны южных границ, собрал ценный фактический материал, связанный с военной историей региона, отметил большую роль служилого казачества в колонизации региона. В социальном плане он уделил внимание только военным категориям населения, отмечая особую роль казачества, хотя и не совсем верно представляя его как нечто единое целое. Вопросы хозяйственного развития южных уездов в XVI–XVII вв. рассматривались в трудах Д.И. Багалея и И.Н. Миклашевского [Миклашевский, 1884; Багалея, 1896]. И.Н. Миклашевский направил свои усилия на изучение хозяйственного развития этого региона, исследовал вопрос об участии служилых людей в земельной распашке и организации промыслов. Д.И. Багалея сосредоточил свое внимание на причинах колонизации степной окраины русским населением, выделив даже особые «психологические импульсы», которые, по его мнению, толкали людей заселять южные границы. Избегая давать социальную характеристику изучаемому региону, он отмечал, что колонизация была стихийным народным процессом, и в ней принимали участие широкие слои населения [Багалея, 1896, с. 17]. В 1899 г. вышла книга Н.А. Благовещенского о четвертном праве мелких служилых людей. [Благовещенский, 1899]. Историк отмечал роль помещиков-однодворцев в социальной истории региона, выделял особенности их организации и внутреннего устройства их общины.

Большой вклад в изучение социальной истории региона внес В.П. Загоровский, автор монографий, посвященных военно-политической истории Центрального Черноземья в XVI–XVII вв. [Загоровский, 1968, 1989]. Он впервые попытался дать социальную характеристику рассматриваемому нами региону, а также указал на особенности службы различных категорий местного общества. Исследования В.П. Загоровского были продолжены В.Н. Глазьевым, который сосредоточил внимание на истории стрельцов Юга России [Глазьев, 1987, 1989, 2001]. Изучению детей боярских Елецкого уезда посвятил отдельную монографию автор данной статьи [Ляпин, 2008]. Различные служилые категории социальной группы казачества были в центре внимания А.Ю. Рошупкина и А.С. Ракитина [Рошупкин, 2013, 2015; Ракитин, 2012]. Специфике социальной группы черкасс (украинских переселенцев) в

Острогжске посвящена работа А.А. Гоголевой [Гоголева, 2008]. В этом исследовании приводятся интересные сведения о конфликтах и противоречиях на уровне местной власти в отдельном городе Юга России. Правда, Острогжск имел ярко выраженную национальную специфику: большинство населения здесь составляли черкассы. Стрелецкому войску рязанских и «украинных» городов России 30-40-х гг. XVII в. посвятил ряд статей В.И. Горбачев [Горбачев, 2011, 2012].

История церкви на Юге России находится в центре внимания А.И. Папкова, который отметил особую роль монастырей в освоении Юга России [Папков, 2014]. Он же посвятил несколько работ социокультурным особенностям пограничной территории юго-западных рубежей в XVI–XVII вв. [Папков, 2004, 2013]. В этой связи историк обратил внимание на ряд специфических особенностей фронтальной зоны, особенно юго-западных уездов европейской России. М.Ю. Зенченко выделил два типа развития местных городов и уездов, и показал некоторые особенности их истории [Зенченко, 2008]. Однако ученый не останавливался подробно на социальной истории региона, полностью сосредоточившись на существовавшей здесь военно-политической ситуации. К сожалению, М.Ю. Зенченко не принял во внимание работы коллег по данной проблеме, что существенно сузило значение сделанных им выводов и новизну работы.

Методология работы основана на применении вероятностно-статистического, типологического и сравнительного методов. Вероятностно-статистический метод применялся нами при анализе социальных процессов, отражающих динамику развития отдельных групп населения. В этой связи нам приходилось учитывать возможные действия случайных факторов. Во время анализа массовых статистических источников (переписных книг 1646 г., данных сметы 1651 г., перечневых выписок конца XVII в.), мы также учитывали их неполноту для получения статистических данных, однако вероятностно-статистический метод позволил нам выявить устойчивую частоту случайных факторов и использовать данные массовых источников в работе.

Выявить общее и особенное в рассматриваемых социальных процессах и явлениях позволило применение типологического метода. В частности, он применялся нами при проведении анализа социального состава населения. В основе используемой типологизации лежат общие признаки, связанные с количественными показателями социального состава населения. Этот метод позволил определить совокупность процессов социальной динамики служилого и посадского населения городов-крепостей, благодаря выявлению определенного числа признаков исследуемых явлений.

С помощью сравнительного метода нам удалось выявить общие и отличительные признаки происходящих процессов, отражающих социально-экономическую эволюцию населения Юга России. Для построения теоретических выводов, основанных на обработке архивных материалов, мы применили совокупность частных аналитических методик: анализ и синтез результатов, методика допущения. В результате нам удалось систематизировать полученную информацию и эффективно использовать ее для теоретических построений. Системный подход в нашем исследовании был необходим для теоретизирования полученных в ходе работы данных, с его помощью мы смогли раскрыть целостность исследуемых событий.

В качестве основных источников статьи используются материалы Разрядного приказа, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов, прежде всего, это смета русского войска 1651 г.¹ Смета была составлена в условиях подготовки к войне с Речью Посполитой и показала военный потенциал России. Дополнительными источниками послужили данные писцовых и переписных книг XVII в. Эти материалы отражают социальную историю служилых людей и посадского населения городов Юга. К сожалению, в нашем распоряжении не имеется достаточно надежных источников по истории крестьянского населения XVII в. Для анализа социальной структуры населения южнорусской

¹ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 1. Белгородский стол. Смета. Д. 327. Л. 35-50.

крепости конца XVI в. мы использовали материалы Посольского приказа, посвященные строительству Ельца и Воронежа ¹.

Начало процесса формирования фронтальной зоны Центрально-Черноземного региона следует отнести ко второй половине XVI в., хотя тенденции к присоединению этих земель наметились и раньше [Загоровский, 1989]. В условиях неудачных военных действий в ходе Ливонской войны впервые для России остро возникла проблема обороны южных границ, лишившихся постоянной защиты в связи с отправкой войск в Прибалтику. Первоначально Москва надеялась на то, что система сторожевой и патрульной службы позволит предотвращать внезапность татарских набегов. Однако вскоре стало ясно, что эти меры должны быть подкреплены более решительными действиями. В итоге было решено начать строительство нескольких крепостей на особенно опасных участках южной границы. В результате появляются Крапивна (1561) и Новосиль (1563). Затем в 1566 г. была построена крепость Орел. Большим успехом было строительство на Верхнем Дону крепости Епифани (1566). Одновременно с этим ниже Епифани был построен Данков (1566) [Ляпин, 2013, с. 31-56]. Данков стал центром сторожевой службы региона, которая теперь подкреплялась наличием военных крепостей, ставших форпостами России на этих землях. В 1560-е годы был сделан важный шаг к началу колонизации Центрального Черноземья, крепости за Окой позволили также предотвратить внезапные татарские набеги и в скором времени показали свою эффективность. Продвижение фронтальной зоны на юг способствовало ее расширению и формированию здесь особых условий колонизации лесостепной зоны. Однако, как показал в своей работе В.П. Загоровский, политика Ивана Грозного 1570-х годов прервала процесс вхождения Черноземья в состав России на несколько лет. К сожалению, после 1566 г. строительство крепостей приостановилось, а репрессии и террор нанесли большой урон сторожевой службе, быстро пришедшей в упадок [Загоровский, 1989].

После смерти Ивана Грозного Москва продолжила начатую колонизацию южного пограничья. В этот раз строительство проходило южнее первых крепостей, на северных территориях современного Центрального Черноземья. Здесь были построены Воронеж (1585), Ливны (1585), Елец (1592), Оскол (Старый Оскол) (1596), Курск (1596), Белгород (1596) и Валуйки (1599). Позже появилась крепость Царев-Борисов (1599). До нашего времени сохранились документы о строительстве и заселении Ельца и Воронежа ². Эти важные документы позволяют нам определить социальный состав местного населения.

На основе сохранившихся документов по Ельцу и Воронежу мы можем представить картину социальной организации населения южнорусской крепости конца XVI в. Общее число населения каждой из крепостей составляло примерно 3 тысячи человек. Социальный состав жителей Ельца выглядел следующим образом: 200 детей боярских, 600 городских казаков, 200 стрельцов, 100 донских казаков, 20 пушкарей, затынщиков, воротников, 20 священнослужителей. В Воронеже проживали приблизительно: 200 донских казаков, 200 стрельцов, 200 казаков, 20 пушкарей, затынщиков, воротников, 20 священнослужителей и 10 черкасс.

Обращает на себя внимание наличие большого числа казаков в обеих крепостях, что было связано с военной необходимостью: казаки были более маневренны в условиях степи, они несли патрульную и сторожевую службы. Большую часть казачества представляли городские казаки, которые набирались из крестьян, бобылей или мелких служилых людей. В отличие от них донские казаки являлись профессиональными войнами, они добровольно переходили на службу русскому царю, получали большое жалование и земельные участки. В Ельце и Воронеже слободы казаков не прилегали вплотную к крепости и находились на некотором расстоянии, что подчеркивало их автономность от местной власти ³. В отличие

¹ РГАДА. Ф. 141. Посольский приказ. Оп. 1. Д. 1, 2; Там же. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Оп. 1. Д. 122; Там же. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Д. 135; Там же. Поместный приказ. Д. 8982, 15818, 13902; Там же. Ф. 210. Разрядный приказ. Дела десятен. Оп. 4. Д. 86.

² Там же. Ф. 141. Посольский приказ. Оп. 1. Д. 1, 2

³ Там же. Л. 72.

от всех групп казачества стрельцы составляли местную пехоту, которая использовалась для службы по большей части в пределах крепости, обычно им поручалась охрана стратегических объектов. Дети боярские представляли собой наиболее привилегированную группу местного общества. Они несли службу на условиях поместного и реже вотчинного владения. В их задачу также входила патрульная и сторожевая службы, кроме того они посылались в разъезды и станичные отряды. Пушкари, затинщики и воротники обслуживали крепостные укрепления, отвечали за их сохранность и состояние. Священнослужители не подчинялись светским властям в судебных делах, хотя активно взаимодействовали с ними в остальных сферах. Их главной задачей была организация религиозной жизни населения.

Служилое население крепостей было объединено в различные социальные группы, которые были пронизаны общинным, коллективным началом с характерными для них корпоративными установками. Известны данные о противостояниях внутри крепости стрельцов и казаков, выливавшихся в коллективные драки. Каждая из групп компактно размещалась в слободе, тяготевшей к центральной крепости. В Ельце, например, стрелецкие слободы не граничили с казачьими слободами, располагаясь по разные стороны центральной крепости. Служилое население крепости подразделялись на десятки, полусотни, сотни. Во главе городских казаков и стрельцов стояли головы, донскими казаками управляли атаманы и есаулы, а дети боярские решали все вопросы коллективно, выбирая наиболее авторитетных представителей из своей среды для решения важных вопросов. Мелкие служилые категории, такие как пушкари, затинщики и воротники, напрямую подчинялись воеводе. Вся эта служилая масса представляла собой единую систему, которая успешно функционировала не только в военном отношении, но и в хозяйственно-бытовом. У каждой группы были свои места проживания – слободы, свои районы для выпаса, участки под пашню, внутренние взаимоотношения. Важную роль поддержания порядка в служилой среде играла система поручительств при поступлении на службу. Эта коллективная порука сплачивала служилое население. В подобных группах возникала особая корпоративная психология, делившая служилых людей на обособленные группы [Рошупкин, 2015].

Итак, как и следовало ожидать, первые поселения в данной фронтальной зоне были типичными военными крепостями. Местное население, за исключением немногочисленного духовенства, было представлено только служилыми людьми, сами крепости находились на военном положении и обеспечивались государством всем необходимым. Здесь не существовало развитого местного рынка и сельского хозяйства. В итоге главной проблемой для государства был вопрос содержания этих крепостей. В документах конца XVI в. мы видим стремление Москвы решить эту проблему. Прежде всего служилым людям раздавались земли: дети борские получили поместья, а стрельцы и казаки земельные участки в коллективное пользование. Государство также поощряло развитие местного рынка, предоставляя служилым людям возможность заниматься охотой, рыболовством и бортничеством. Первое время эти хозяйственные занятия не контролировались государством, хотя в Москве рекомендовали «в поле для добычи не ездить», а заниматься распашкой пашни. Затем стала появляться откупная система: участки рек давались на откуп для установки неводов или сетей для ловли рыбы. Однако проблемы с обеспечением крепостей все равно оставались, поскольку татарские набеги не позволяли развивать полноценное хозяйство в этих землях [Ляпин Д.А., 2008, с. 32-66].

Таким образом, строительство крепостей во второй половине XVI в. способствовало вхождению территории Центрального Черноземья в состав России. Военные успехи создавали предпосылки для хозяйственного освоения этих земель, но эти благоприятные процессы были прерваны Смутным временем начала XVII в. Война Москвы с атаманом И.М. Заруцким в 1613 г., проходившая на территории Верхнего Дона, и поход гетмана П.К. Сагайдачного в 1618 г. нанесли существенный урон хозяйственному развитию региона.

После Смутного времени на территории Центрального Черноземья происходил процесс экстенсивного развития сельского хозяйства, связанный с освоением новых земель вокруг крепостей и образованием сельских поселений. Прежде всего это происходи-

ло по инициативе детей боярских, стремившихся увеличить свои земельные владения в пределах оклады. Обычно оклад помещика Юга России составлял 100-300 четвертей, а реальное владение было 25-50 четвертей [Ляпин Д.А., 2008]. В результате дети боярские писали коллективные просьбы о получении «в отказ» новых участков земли, хотя часто и не имели трудовых ресурсов для их обработки. Как правило, пашня (включая перелог) занимала не более 5 % от общего земельного участка.

Тем не менее, процесс освоения новых пространств «дикого поля» способствовал формированию новых сельских поселений и росту численности сельского общества. Эти процессы происходили одновременно с изменениями в социальной организации населения, которая стала постепенно усложняться. Основную массу сельского населения Юга России в XVII в. составляли помещики-однородцы, хотя их соотношение в различных уездах отличалось. В среднем в 1640-е годы они составляли до 70% от общего числа помещиков уезда [Ляпин, 2008, с. 152-164].

Другая важная тенденция времени после Смуты – формирование посадских общин в ряде крепостей, прежде всего в крупнейших из них: Воронеже, Курске, Ельце. Это обстоятельство указывает на начало процесса урбанизации региона, превращения военных крепостей в полноценные города. В этой связи отметим, что полноценными городами могут считаться только те поселения, где преобладают посадские люди, занимающиеся ремеслами и торговлей, где хорошо развит местный рынок. Обычно город является экономическим центром ближайшей округи.

К середине XVII в. основную массу населения Юга России по-прежнему составляли служилые люди¹. В 1630-1640-е годы их численность неуклонно росла, что было связано с появлением новых военных поселений, необходимость которых показали военные действия на степном пограничье в 1632-1638 гг. [Новосельский, 1948]. Например, число сельских поселений в Елецком уезде выросло за первую половину XVII в. на 30% [Ляпин, 2008, с. 152-164]. Резкий демографический подъем способствовал появлению новых крепостей и острогов, защищавших старые крепости, возникшие еще в конце XVI в. К середине XVII столетия здесь существовали 36 крепостей и острогов. При этом до 1640 г. в этом регионе существовали всего 11, а до 1600 г. только 7 крепостей (рис. 1).

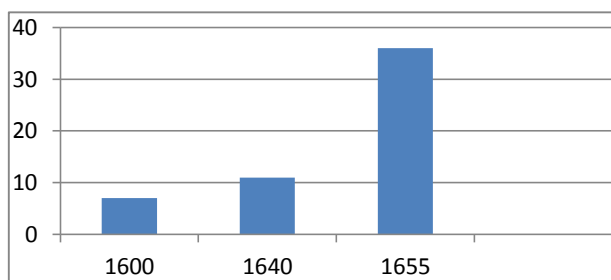

Рис 1. Рост количества крепостей на Юге России
Fig 1. Increase in the number of fortresses in the South of Russia

В результате к середине XVII в. сложилась благоприятная обстановка для хозяйственного развития фронтальной зоны Юга европейской России. Количество служилого населения в городах было велико и превосходило число, необходимое для обороны крепости. В итоге появилась социальная группа соседей, «подсоседников», «захребетников», племянников, дядей и детей служилых людей, которые не поступали в службу за отсутствием мест. Чтобы прокормить себя, они часто шли заниматься ремеслами и торговлей, способствуя росту численности посадского населения. Часто строительство новых острогов и крепостей способствовало переводу этих людей в стрелецкую или казачью службу на но-

¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Белгородский стол. Смета. Д. 327. Л. 35-50; Там же. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Д. 135; Там же. Поместный приказ. Д. 8982, 15818, 13902;

вое место, хотя в 1640-е годы конкуренцию им стали составлять черкассы, переезжавшие в Россию и занимавшие новые поселения. Схожей была ситуация и в уезде, где стремительно росла численность однодворцев, помещиков, не имевших крестьян, и бобылей на своих землях.

Более конкретную социальную характеристику региона позволяют сделать данные Сметы русского войска 1651 г.¹ Согласно сведениям из этого источника, основную массу служилого населения составляли дети боярские – провинциальные помещики. Они были объединены в уездные корпорации, которые играли важнейшую роль в хозяйственном освоении и военной защите данной территории. Крупные корпорации детей боярских располагались в Козлове – 2 047 человек, Курске – 1368 человек, Ельце – 1 297 человек и Ливнах – 1 180 человек. Это связано с тем, что данные крепости занимали важнейшие участки в обороне района Верхнего Дона. По нашим подсчетам, в регионе находилось 11 117 человек. Интересно, что из них более 50% (6 105 человек) проживали в Козловском, Курском, Елецком и Ливенском уездах. Показательно, что и численность однодворцев здесь была велика и доходила до 80% от общего числа детей боярских уезда [Ляпин, 2008, с. 164].

Отдельную группу местного служилого населения составляли донские и запорожские казаки («черкасы»). Некоторые из них даже владели поместьями в местных уездах, как парвило это были представители черкасской элиты [Гоголева, 2008]. Наряду с ними местными помещиками являлись можайские и ярославские беломестные казаки, переведенные сюда в 1640-е годы [Рошупкин, 2013, с. 90]. Поместных казаков, а также локально размещенных в нескольких уездах «новокрещенов татар» было 3 612 человек. В нескольких уездах проживали представители полков нового строя – драгуны, численность которых составила 2 949 человек. Свое место в социальной структуре занимали иноземцы, числом в 80 человек.

Суммируя данные, отметим, что общая численность служилых землевладельцев уезда составила 17 758 человек, из них 63% – дети боярские, 20% – черкассы и донские казаки, 16% – драгуны. Однако необходимо учесть, что далеко не все черкассы владели поместьями, но, к сожалению, сложно определить точное количество землевладельцев в их среде.

Также можно отметить, что драгуны размещались крайне неравномерно, государство стремилось селить их компактно, к 1615 г. в двух уездах – Добровском и Сокольском – драгунское население составляло 100%. Здесь проживали 60% от общей массы драгун Юга России. Эти крепости возникли недавно на важных участках Верхнего Дона для защиты Рязанских и Тульских мест. Все остальные драгуны проживали в острогах Воронежского уезда. Отметим, что военные реформы 1652-1654 гг. в значительной степени изменяют ситуацию, увеличив число драгун в крепостях. Кроме того, в ходе реформ здесь будут созданы подразделения рейтар, копейщиков и солдат.

Точных данных о крестьянском и бобыльском населении на Юге России у нас нет, поскольку переписные и писцовые книги не содержат полноценных данных на этот счет. Однако, судя по данным относительно однодворческого землевладения, численность крестьянского населения не превышала половины числа помещиков и вотчинников.

Население крепостей Юга России в середине XVII в. было представлено служилыми и посадскими людьми. В число первых, как и ранее, входили стрельцы, казаки и более мелкие социальные категории, которых теперь стало гораздо больше (пушкари, затинщики, воротники, казенные кузнецы, плотники, мостники, сторожа и ямщики). Служилые люди по прибору редко привлекались к полковой службе, чаще оставаясь в пределах крепости. Они выполняли милицейские и патрульные функции, охраняли важные стратегические объекты, обороняли крепость во время осады. В свободное от службы время они занимались огородничеством, ремеслами, мелкой торговлей и промыслами. Общее количество служилого населения по прибору на Юге России в 1651 г. составило примерно 14 137 человек.

¹ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Смета. Оп. 1. Д. 327. Л. 35-50.

Как мы уже отмечали, рост числа служилого населения способствовал и росту численности посадских людей. В общем число посадского населения может быть выявлено на основе анализа платежных книг 1646 г. по Югу России. Конечно, не во всех крепостях торгово-ремесленное население было развито одинаково, где-то оно отсутствовало вовсе. Поскольку часто посадские люди были родственниками служилых, местные воеводы привлекали их на военную службу, что отрицательно сказывалось на их экономической активности. В Белгороде местный воевода записал в службу 45 посадских людей с пищалями и 39 – с рогатинами¹, похожая ситуация наблюдалась и в Курске².

В целом, по данным переписных книг 1646 г. посадское население региона насчитывало около 6 000 человек, что составило 29% от общего количества. Посадские люди были мобильны и часто перемещались из одной крепости в другую, хотя эта мобильность была вынужденна и снижала торговую активность посадского человека. Мы имеем сведения о брошенных дворах и целых слободах посадских людей в некоторых крепостях³.

Но не привлечение на военную службу, а конкуренция со стороны частновладельческих слобод, жители которых тоже занимались ремеслами и торговлей, мешала развитию посадов. Проблема состояла в том, что владельцами частных слобод обычно были крупные землевладельцы, аристократы, добивавшиеся освобождения от уплаты налогов для населения своих земель в городах. Эти «беломестные» слободы разоряли посадское население крепости, поскольку, необлагаемые налогами, они снижали цены и предоставляли услуги по более низкой цене.

Частновладельческие дворы в крепостях также располагались неравномерно. В уездах, близко примыкавших к степной границе, таких дворов не было. Как правило, частные лица владели дворами в хорошо укрепленных городах-крепостях, имевших большое торговое и хозяйственное значение. Например, в Ельце было зафиксировано 178 частновладельческих дворов с 375 жителями мужского пола⁴. Доля тягловых дворов составила здесь 47 % от общей массы посадского населения. Почти полностью частновладельческой была крепость Лебединь (около 80%), а город-крепость Романов-в-Степи целиком принадлежал боярину Никите Ивановичу Романову.

Однако уже в середине XVII в. социальная структура фронтального общества европейской части Юга России начала ломаться. После военных реформ 1652-1654 гг. начинается существенный рост представителей полков нового строя, социальной базой для которых были служилые люди. Этот процесс можно показать более детально на примере Елецкого уезда. Здесь в 1658 г. располагались следующие служилые категории: дворяне и дети боярские полковой службы – 371 человек, рейтары – 280 человек, драгуны – 480 человек, солдаты – 40 человек, а общее количество представителей полков нового строя в уезде составило 1171 человек [Загоровский, 1968, с. 154]. Важно отметить, что драгуны Ельца происходили из числа местных городских казаков. Об этом можно судить по материалам «сказок» (опросов со слов жителей), собранных в 1659 г.⁵. Сказки упоминают 135 драгун, все они записаны без отчества, а их фамилии типичны для чинов служилых по прибору. В некоторых сказках они прямо записаны как «казаки беломестные драгунского строя». Это также указывает на то, что новые служилые категории освобождались от уплаты податей, по крайней мере, на какое-то время.

В 1672 г. в Ельце располагались: дети боярские полковой службы – 7 человек, рейтары – 494 человека, драгуны – 56 человек, солдаты – 24 человека. Итого, общее количество составило 581 человек. Для сравнения, детей боярских городской службы в это время было 1 100 человек, т.е. в два раза больше [ПСЗ. 1830. Т. 1. № 522, с. 901]. Согласно данным окладных книг Рязанской митрополии за 1676 г. драгуны Елецкого уезда проживали

¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Столбцы Белгородского стола. Д. 122. Л. 162

² Там же. Л. 193.

³ Там же. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Д. 8982, 15818, 13902.

⁴ Там же. Переписная книга Елецкого уезда. Д. 135. Л. 59 об.

⁵ Там же. Ф. 210. Разрядный приказ. Д. 433. Л. 26 – 61.

в одном селе – Троицкое, а солдаты размещались в двух населенных пунктах – Каменка и Паниковец. Отдельно проживали служилые черкасы (30 человек), все они размещались в Талицком остроге [Окладные книги Рязанской митрополии 1676 г., с. 91 – 163.]. Здесь они заняли место детей боярских, отправленных в остроги и крепости Воронежского уезда.

Итак, мы видим, что численность полков нового строя постоянно росла, хотя она не могла еще превзойти количество детей боярских городской службы. Однако интересно отметить, что хотя в 1685 г. численность детей боярских и составила 2021 человек, число их детей до 15 лет было уже в два раза меньшим – 1223 человека. При этом 58% детей боярских имели одного сына, а 28% – двоих сыновей.

В 1685 г. число прочих служилых людей (казаков, стрельцов, воротников, пушкарей) было совсем незначительным по сравнению с числом детей боярских и составило только 486 человек ¹. Вероятно, их военное значение снизилось после того, как граница фронтальной зоны отошла дальше на Юг.

В самом конце XVII в. численность служилых людей полков нового строя превысила количество городских детей боярских. По данным перечневых выписок по Ельцу за 1697 г. в уезде значатся 1 547 представителей полков нового строя (1 капитан-поручик, 2 поручика, 4 прапорщика, 1 сотенный, 188 копейщиков, 564 рейтара, 11 трубачей, 1 литавщик, 763 солдата, 13 солдат выборного полка), а число детей боярских составляло 1317 человек ². Более наглядно процесс соотношения численности представителей полков нового строя и детей боярских в Елецком уезде во второй половине XVII в. представлен в рисунке 2.

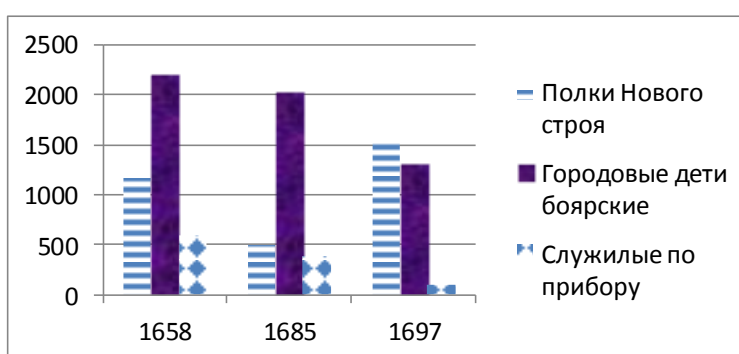

Рис 2. Соотношение численности представителей полков нового строя и детей боярских в Елецком уезде во второй половине XVII в.

Fig 2. The number of representatives of the regiments of the new system in Yelets district in the second half of the 17th century.

Другая тенденция второй половины XVII в. – неуклонный рост численности посадского населения, которое составляло в 1680-е годы в некоторых случаях уже около 40% населения. Причиной этого роста стала политика правительства Б.И. Морозова, в 1645–1648 гг. проводившего так называемое «посадское строение». Эта важная реформа существенно повлияла на изменение социальной структуры общества. В ходе реформ закреплённых Соборным уложением 1649 г. посадские люди были призваны монополистами городских промыслов [Смирнов, 1947]. Теперь все слободы частных владельцев, поселённые на посадской земле (неважно, законно купленной или захваченной), отходили государству и приписывались в тягло к посадам безвозмездно. Это был серьёзный удар по частновладельческим слободам в городах, которые теперь не только должны были платить налоги, но и признавались не законными. Все они были «переписаны на государя». Всех людей, которые занимались торговлей или промыслами, но при этом государевых податей не несли и не служили, предписывалось взять в тягло. Все это означало резкий

¹ РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Оп. 6-д. Д. 133.

² Там же. Оп. 12. Перечневые выписки по г. Ельцу. Д. 905. Ч. 1. Л. 239 – 301.

рост численности посадского населения, начало превращения его в замкнутую социальную категорию. Правительство при этом преследовало чисто фискальные интересы, ведь освобожденные от уплаты податей дворы наносили ущерб казне и разоряли мелких торговцев и ремесленников – потенциальных налогоплательщиков.

В 1650–1682 гг. государство продолжило политику в отношении слобод, стремясь быстрыми темпами превратить крепости в полноценные города, особенно те из них, которые оказались в тылу степной войны, поскольку граница в эти годы отодвинулась далеко на юг. Последние набеги в район Верхнего Дона были совершены около 1680 г. и являлись небольшими разбойными нападениями калмыков [Ляпин, 2013, с. 163-170].

Несмотря на устойчивый рост числа посадских дворов, численность служилого населения еще в 1670-е годы оставалась высокой и превышала число посадского населения. Вероятно, это было связано с тем, что реформа Б.И. Морозова не выполнялась в полной мере. Служилые люди Юга России продолжали вести торговлю и заниматься ремеслами и промыслами, хотя уже и не так активно. Только в самом конце XVII в. число посадских людей, наконец, превысило количество служилого населения в наиболее крупных городах. Именно на этом этапе можно говорить о формировании полноценных городов, которое завершилось окончательно в первой трети XVIII в. Для наглядного примера роста численности посадского населения и его соотношения со служилыми людьми можно привести следующую диаграмму, основанную на данных по Ельцу (рис. 3).

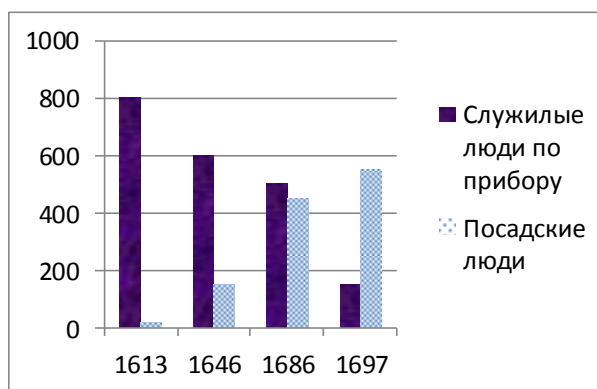

Рис 3. Соотношение численности посадского и служилого населения Ельца в XVII в.

Fig 3. The number of the posad and service population of Yelets in the XVII century

Таким образом, условно социально-экономическую историю региона в XVI–XVII вв. можно разделить на несколько периодов. Первый период связан с концом XVI в., временем строительства и существования первых военных крепостей, число которых было не более десяти. Второй период приходится на время от Смуты до середины XVII в. В условиях ожесточенных военных действий в крепостях появляются посадские люди, растет общая численность населения, усложняется и дробится социальная структура местного общества. В это же время широкое распространение получает однодворческое хозяйство в уездах.

В середине столетия правительство осуществляет две важные реформы. Первая отделяет посадское население от служилого и начинает процесс оформления посадского населения в замкнутую социальную группу. Вторая реформа связана с созданием полков нового строя (рейтар, драгун, солдат). Обе эти реформы оказали важное влияние на дальнейшее развитие региона. Вторая половина XVII в. – третий условный период социальной истории региона, когда численность посадского населения постепенно превышает количество служилых людей, а число представителей полков нового строя превосходит количество военных категорий старых служб (детей боярских, казаков, стрельцов).

Феномен «русского фронта» относительно южных уездов Центрально-Европейского региона был тесно связан с процессом социальной эволюции, сопровождавшей процесс модернизации аграрного общества в XVI–XVII вв. Социальная организа-

ция населения уезда являлась своеобразным ответом местного социума на возникающие трудности, она была призвана противостоять военной опасности. Отсюда гибкость и неоднородность социальной организации местных служилых сообществ, их самостоятельность в решении различных вопросов, коллективизм, социальная мобильность, отсутствие жестких сословных границ. На наш взгляд, указанные особенности социально-экономической эволюции населения пограничных территорий свидетельствовали об эффективности российской системы колонизации Юга России.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00313 А: «Русский фронт: социально-экономическая динамика, повседневно-бытовые модели населения, образование государственной территории и мобильная граница. XVI – нач. XIX в. (по материалам южных и юго-восточных уездов Центрально-Европейского региона)».

Список литературы References

1. Багалея Д.И. 1896. К истории заселения и хозяйственного быта Воронежского и Курского края. Отзыв об исследовании И.Н. Миклашевского «К истории хозяйственного быта Московского государства». СПб., Университетская типография, 124.
Bagalej D.I. 1896. K istorii zaselenija i hozjajstvennogo byta Voronezhskogo i Kurskogo kraja. Otzyv ob issledovanii I.N. Miklashevskogo «K istorii hozjajstvennogo byta Moskovskogo gosudarstva». SPb., Universitetskaja tipografija. 124. (in Russian)
2. Беляев И.Д. 1846. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., Университетская типография, 151.
Beljaev I.D. 1846. O storozhevoj, stanichnoj i polevoj sluzhbe na pol'skoj Ukraine Moskovskogo gosudarstva do carja Alekseja Mihajlovicha. M., Universitetskaja tipografija, 151. (in Russian)
3. Благовещенский Н.А. 1899. Четвертное право. М., Типолитография товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 546.
Blagoveshhenskij N.A. 1899. Chetvertnoe pravo. M., Tipolitografija tovarishhestva I.N. Kushnerev i Ko, 546. (in Russian)
4. Глазьев В.Н. 2001. Власть и общество на юге России в XVII в. Воронеж, Издательство ВГУ, 430.
Glaz'ev V.N. 2001. Vlast' i obshhestvo na juge Rossii v XVII v. Voronezh, Izdatel'stvo VGU, 430. (in Russian)
5. Глазьев В.Н. 2007. Воронежские воеводы и их окружение в XVI-XVII веках. Воронеж, Центр духовного возрождения Черноземного края, 168.
Glaz'ev V.N. 2007. Voronezhskie voevody i ih okruzhenie v XVI-XVII vekah. Voronezh, Centr duhovnogo vozrozhdenija Chernozemnogo kraja, 168. (in Russian)
6. Глазьев В.Н. 1987. Воронежские стрельцы и их роль в экономическом развитии края. История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, ИПЦ Воронежского государственного университета, 23-33.
Glaz'ev V.N. 1987. Voronezhskie strel'cy i ih rol' v jekonomicheskom razvitii kraja. Istorija zaselenija i hozjajstvennogo osvoenija Voronezhskogo kraja v jepohu feodalizma. Voronezh, IPTs Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 23-33. (in Russian)
7. Глазьев В.Н. 1989. Размещение стрельцов в городах Черноземного края. Историческая география черноземного центра России, (дооктябрьский период). Воронеж, Издательство Воронежского университета, 42-49.
Glaz'ev V.N. 1989. Razmeshhenie strel'cov v gorodah Chernozemnogo kraja. Istoricheskaja geografija chernozemnogo centra Rossii, (dooktjabr'skij period). Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 42-49. (in Russian)
8. Гоголева А.А. 2008. Местная власть в Острогожском уезде во второй половине XVII – начале XVIII вв.: городские воеводы и черкасские полковники. Воронеж, Истоки, 342.
Gogoleva A.A. 2008. Mestnaja vlast' v Ostrogozhskom uezde vo vtoroj polovine XVII – nachale XVIII vv.: gorodovye voevody i cherkasskie polkovniki. Voronezh, Istoki, 342. (in Russian)

9. Горбачев В.И. 2011. Источниковедческие и исторические проблемы в изучении истории стрелцкого войска в России XVI-XVII вв. Дебют: сборник статей аспирантов и магистрантов по программе «История и культура регионов России». Рязань, 44-48.

Gorbachev V.I. 2011. Iсточnikovedcheskie i istoricheskie problemy v izuchenii istorii streleckogo vojska v Rossii XVI-XVII vv. Debjut: sbornik statej aspirantov i magistrantov po programme «Istorija i kul'tura regionov Rossii». Rjazan', 44-48. (in Russian)

10. Горбачев В.И. 2012. Численность стрелцких гарнизонов украинских и рязанских городов России второй четверти XVII века. Вестник Воронежского государственного университета. Серия История. Политология. Социология. 2: 82-86.

Gorbachev V.I. 2012. Chislennost' streleckih garnizonov ukrainnyh i rjazanskih gorodov Rossii vtoroj chetverti XVII veka. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Istorija. Politologija. Sociologija. 2: 82-86. (in Russian)

11. Загоровский В.П. 1968. Белгородская черта. Воронеж: Издательство ВГУ, 295.

Zagorovskij V.P. 1968. Belgorodskaja cherta. Voronezh: Izdatel'stvo VGU, 295. (in Russian)

12. Загоровский В.П. 1989. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, Издательство ВГУ, 272.

Zagorovskij V.P. 1989. Istorija vhozhenija Central'nogo Chernozem'ja v sostav Rossijskogo gosudarstva v XVI veke. Voronezh, Izdatel'stvo VGU, 272. (in Russian)

13. Зенченко М.Ю. 2008. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. М., Памятники исторической мысли, 233.

Zenchenko M.Ju. 2008. Juzhnoe rossijskoe porubezh'e v konce XVI – nachale XVII v. M., Pamjatniki istoricheskoj mysli, 233. (in Russian)

14. Ляпин Д.А. 2008. Дворянство Елецкого уезда в конце XVI – XVII веках (историко-генеалогическое исследование). Елец, МУП «Типография», 420 с.

Ljapin D.A. 2008. Dvorjanstvo Eleckogo uezda v konce XVI – XVII vekah (istoriko-genealogicheskoe issledovanie). Elec, MUP «Tipografija», 420 s. (in Russian)

15. Ляпин Д.А. 2013. На степном пограничье: Верхний Дон в XV-XVII веках. Тула, Гриф и Ко 2013. 210.

Ljapin D.A. 2013. Na stepnom pogranich'e: Verhnij Don v XV-XVII vekah. Tula, Grif i Ko 2013. 210. (in Russian)

16. Миклашевский И.Н. 1884. К истории хозяйственного быта Московского государства. М., Тип. Д.И. Иноземцева, 318.

Miklashevskij I.N. 1884. K istorii hozjajstvennogo byta Moskovskogo gosudarstva. M., Tip. D.I. Inozemceva, 318. (in Russian)

18. Новосельский А.А. 1948. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л., Издательство Академии Наук СССР, 450.

Novosel'skij A.A. 1948. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII v. M.-L., Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 450. (in Russian)

19. Окладные книги Рязанской митрополии 1676 г.: Воронежский и Елецкий уезды. Воронежская старина. 1902. Вып.1: 91–163.

Okladnye knigi Ryazanskoj mitropolii 1676 g.: Voronezhskij i Elecckij uezdy. Voronezhskaya starina. 1902. Vyp.1: 91–163.

20. Папков А.И. 2014. Землевладение Белгородского Никольского монастыря в первой половине XVII века. Историко-религиоведческие исследования. 1: 22-28.

Papkov A.I. 2014. Zemlevladienie Belgorodskogo Nikol'skogo monastyrya v pervoy polovine XVII veka. Istoriko-religiovedcheskie issledovaniya. 1: 22-28. (in Russian)

21. Папков А.И. 2013. Освоение российским государством южных окраин в XVI в. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 1 (144). 5: 63-81.

Papkov A.I. 2013. Osvoenie rossiyskim gosudarstvom yuzhnykh okrain v XVI v. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. Politologiya. 1 (144). 5: 63-81. (in Russian)

22. Папков А.И. 2004. Порубежье российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI - первая половина XVII века). Белгород, Константа, 352.

Papkov A.I. 2004. Porubezh'e rossiyskogo tsarstva i ukrainских zemel' Rechi Pospolitoj (konets XVI - pervaya polovina XVII veka). Belgorod, Konstanta, 352. (in Russian)

23. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Под редакцией М.М. Сперанского. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. Т. 1. № 522: 901.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZ). Pod redakciej M.M. Speranskogo. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. 1830. T. 1. № 522: 901.

24. Ракитин А.С. 2012. Сторожевые казаки города Данков после черкасского разорения (1618-1650-е годы). Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции. 16-18 мая 2012 года. Ч. 3. СПб., 88-97.

Rakitin A.S. 2012. Storozhevye kazaki goroda Dankov posle cherkasskogo razorenija (1618-1650-e gody). Vojna i oruzhie. Novye issledovanija i materialy. Trudy Tret'ej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 16-18 maja 2012 goda. Ch. 3. SPb., 88-97. (in Russian)

25. Рощупкин А.Ю. 2015. Социальное сознание служилого человека южного пограничья Московского государства в конце XVI в. История: Факты и символы. 2: 42-51.

Roshhupkin A.Ju. 2015. Social'noe soznanie sluzhilogo cheloveka juzhnogo pogramich'ja Moskovskogo gosudarstva v konce XVI v. Istorija: Fakty i simvoly. 2: 42-51. (in Russian)

26. Рощупкин А.Ю. 2013. Численность корпорации елецких служилых казаков в конце XVI – первой половине XVII в. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Т. 27. 15 (158): 84-90. (in Russian)

Roshhupkin A.Ju. 2013. Chislennost' korporacii eleckih sluzhilyh kazakov v konce XVI – pervoj polovine XVII v. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. T. 27. 15 (158): 84-90. (in Russian)

27. Смирнов П.П. 1947. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.-Л., Изд-во акад. наук СССР. Т. II, 736.

Smirnov P.P. 1947. Posadskie ljudi i ih klassovaja bor'ba do serediny XVII v. M.-L., Izd-vo akad. nauk SSSR. T. II, 736. (in Russian)